

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Амурский государственный университет»

На правах рукописи

Конталева Евгения Александровна

Религиозный синкретизм в культуре восточной ветви русской эмиграции

Направление подготовки 47.06.01 Философия, этика и религиоведение

Направленность (профиль) 09.00.14 Философия религии и религиоведение

Научный доклад об основных результатах подготовленной научно-квалификационной
работы (диссертации)

Благовещенск, 2018 г.

Работа выполнена на кафедре религиоведения и истории федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Амурский государственный университет».

Научный руководитель Забияко А.П., доктор философских наук, профессор

Рецензент: Пелевина О.В., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры религиоведения и истории Амурского государственного университета

Рецензент: Дябкин И.А., кандидат философских наук, учитель Общеобразовательного лицея Амурского государственного университета

К защите допускаю:

Научный руководитель _____

(подпись)

Забияко А.П.

Заведующий выпускающей
кафедрой _____

(подпись)

Забияко А.П.

Заведующий отделом докторантуры
и аспирантуры _____

(подпись)

Сизова Е.С.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАУЧНО-КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ (ДИССЕРТАЦИИ)

Диссертационное исследование посвящено изучению феномена религиозного синкретизма в культурной среде восточной ветви русской эмиграции – прежде всего, в Харбине.

Русская эмиграция в Китае явилась сложным образованием с чертами постмодернистского общества, сохранившим язык и культуру, но приобретшим инокультурные особенности. Приток русских в Поднебесную (особенно – на восток и северо-восток: Харбин, Шанхай, Циндао и др.) усиливается в конце XIX – начале XX века, что ведёт к формированию крупнейшей русской диаспоры за рубежом. Ввиду политических событий в России того периода, помимо рабочих, торговцев и служилых людей, значительной прослойкой этой эмигрантской общности выступала интеллигенция, в том числе, поэты, писатели, художники, которые в ходе этнокультурных контактов воспринимали элементы китайской религии, философии, бытовой культуры и нередко отражали их в своих произведениях. С одной стороны, порубежное положение эмигрантов и их «психологическая бездомность» вызывали в среде русской диаспоры стремление к сохранению своей культурной идентичности: дореволюционных порядков, приверженности православию, «русскости» и т.д. С другой стороны, культура восточной ветви русской эмиграции живо откликалась как на китайскую традицию, так и на повсеместный подъём интереса к сверхъестественному и мистическому в разнообразных проявлениях: спиритомании и египтомании, ясновидения, гадательных и оккультных практик, создания теософских кружков и пр., создавая особое, синкретическое мироощущение эмигрантской жизни и самого пространства русской диаспоры¹.

Актуальность данного исследования определяется непрекращающимся процессом синкретизации, наблюдаемой в разных сферах человеческой жизнедеятельности – в том числе, религиозной. Религиозный синкретизм имеет давнюю историю; уже на заре человеческой цивилизации известны примеры синкретического религиозного сознания ввиду не только наличествующего первичного, или генетического синкретизма, но также вследствие тесного взаимодействия этнических сообществ, культур и религий. Мироззрение человека зависимо от различных факторов: исторического времени, социально-экономического строя, политической обстановки, национально-этнического окружения и культуры, микросреды человека и т.д. Большую роль играют личностные установки человека, его самоопределение, переживания и духовные потребности. При значительном потенциале свободы возрастает степень индивидуализации личности, в процессе которой особым явлением духовной культуры становится индивидуальная религиозность, выступающая совокупностью синкретических представлений индивида об окружающем мире, выстраиваемых им на основе личных переживаний и

¹ Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии: Монография. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. С. 15.

опыта, а также самостоятельно сформированных идей и образов божественных и инобытийных сил, являющихся результатом напластования отдельных элементов традиционных религий, мистицизма, восточных практик, философских идей, древних мифов и суеверий и многого другого.

Изучение особенностей процесса синкретизации в разных исторических условиях способствует формированию более полной картины представлений о религиозном синкретизме. Претерпевая в ходе исторического развития определённые качественные изменения, синкретизм, однако, не исчезает: в пространстве современности, в условиях глобализации, постмодернизма и плюралистических настроений происходит существенный сдвиг религиозных и мировоззренческих парадигм, что приводит к новому переосмыслению религиозных традиций, догматов и идей и вновь возрастает интерес к религии в её нетрадиционном, синкретическом, проявлении.

Степень исследованности темы

Исследованием первичного (генетического) синкретизма в основном занимались историки и этнографы. Так, интерес к этой теме на Западе мы обнаруживаем в классических работах Э. Тайлора², Дж. Фрэзера³, Л. Леви-Брюля⁴, Э. Лэнга⁵, К. Леви-Стросса⁶, Б. Малиновского⁷, У. Джеймса⁸, Э. Дюркгейма⁹, Н. Зёдерблома¹⁰ и многих других. Большой вклад в этом отношении был сделан Л.Я. Штернбергом¹¹, который с позиций эволюционизма изучал особенности культуры и верований (представления о сверхъестественных «хозяевах», «избранничестве», схема этапов эволюции верований) тунгусо-маньчжурских, а также коренных народов Сибири и Дальнего Востока, в том числе, амурских айнов, гиляков, орочей.

Советский этнограф С.А. Токарев в таких работах как «Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века», 1957; «Ранние формы религии», 1990; «Сущность и происхождение магии», 1959 также уделял большое внимание вопросам ранних форм религии, особенностям мировоззрения первобытных племён.

Изучению ранних форм религии и языческим верованиям русского народа посвящены работы П.С. Ефименко («О Яриле, языческом божестве русских славян», 1869); А.С. Фаминцева («Божества древних славян», 1884); М. Соколова («Старорусские солнечные боги и богини, историко-этнографическое исследование», 1887); В.Н. Харузиной («К вопросу о почи-

² Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Издательства политической культуры, 1989. 573 с.

³ Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1980.

⁴ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.

⁵ Лэнг Э. Становление религии // Религиоведение. Хрестоматия / Под ред. А.Н. Красникова. М.: Книжный дом «Университет», 2000. С. 373–405.

⁶ Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994.

⁷ Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: «Рефл-бук», 1998. 304 с.

⁸ Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Академический проект, 2017. 416 с.

⁹ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 736 с.

¹⁰ Зёдерблом Н. Становление веры в бога // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. Т. 2. М.: Канон+, 1998. С. 262–313.

¹¹ Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии: исследования, статьи, лекции. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. 571 с.

тании огня», 1906; «Заметки по поводу употребления слова фетишизм», 1908); И.Л. Станкевича («Первобытное мифологическое мировоззрение и культовая практика», 1944); Л.Н. Виноградовой («Народная демонология и мифоритуальная традиция славян», 2000); Н.А. Криничной («Посвящение в колдуны», 2002) и др.

В начале XX века попытки объяснить особенности религиозного сознания русского населения наблюдаются, например, в работах А. Ветухова («Заговоры, заклинания. Обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова», 1907); Е.В. Аничкова («Весенняя обрядовая песня на западе и у славян», 1903); Д.К. Зеленина («Очерки русской мифологии», 1916; «Восточнославянская этнография», 1927; «Статьи по духовной культуре», 1901–1913); П.В. Штейна («Великорусы в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.», 1900), С.В. Максимова («Крёстная, неведомая и нечистая сила», 1903); Н.Н. Виноградова («Заговоры, обереги, спасительные молитвы и пр.», 1907–1908).

К более поздним относятся работы Б.А. Рыбакова («Язычество древних славян», 1981); А.А. Кононенко («Персонажи славянской мифологии», 1993); Л.А. Чёрной («История культуры Древней Руси», 2007), на основе философско-антропологического подхода раскрывающая исторические смыслы русской культуры; И.А. Мудровой («Словарь славянской мифологии», 2009) и многие другие.

Аспекты синкретизма вторичного типа (а конкретно – взаимосвязи язычества и христианства) раскрывают работы Н.М. Гальковского («Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси», 1916); Ф.А. Рязановского («Демонология в древнерусской литературе», 1915), Б.А. Успенского («К проблеме христианско-языческого синкретизма в истории русской культуры: 1. Языческие рефлексy в славянской христианской терминологии. 2. Дуалистический характер русской средневековой культуры», 1979), В.Г. Богораз-Тана, Н.М. Никольского; Н. Хамайко («Древнерусское «двоеверие»: происхождение, содержание и адекватность термина», 2007); Т.А. Бернштам («Русская народная культура и народная религия», 1989); В.М. Живова («Двоеверие и особый характер русской культурной истории», 2002); А.А. Панченко («Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России», 1988); Ю.В. Педро («Двоеверие и религиозный синкретизм как составляющие религиозно-исторического процесса», 2013) и многих других.

Изучению русских религиозных движений посвящены работы Н.Г. Айвазова («Христовщина. Материал для исследования русских мистических сект», 1915); Т.И. Будкевича («Обзор русских сект и толков», 1910); К. Кутепова («Секты хлыстов и скопцов», 1882); Н.В. Реутского («Люди божьи и скопцы», 1972); Д. Коновалова («Религиозный экстаз в русском мистическом сектанстве», 1908). В. Бонч-Бруевич считается основоположником изучения духовного христианства в марксистско-ленинском духе («Материалы к истории русского сектанства и старообрядчества», 1908–1916; «Кривое зеркало сектантства», 1922). В таком же духе писали Н.Н. Волков, В. Дружинин, И.

Морозов, А.И. Клибанов, Э.Г. Филимонов, Е.Г. Балагушкин и другие. На современном этапе существуют работы апологетической, православной направленности, например, А.Л. Дворкина, А. Кураева, В.П. Кротоуса. Многими религиоведами в академической среде точка зрения, изложенная данными авторами, подвергается критике.

Осмыслению синкретизма в среде нерусских народов, проживающих на территории России, посвящены, например, работы С.А. Романовой («Особенности формирования православно-языческого синкретизма мари», 1988); Н.Ф. Мокшина («Религиозный синкретизм у мордвы», 1990); В.Е. Владыкина («Из истории религиозного синкретизма у удмуртов»); И.В. Стеблевой («Синкретизм религиозно-мифологических представлений домусульманских тюрков», 1989); Н.Н. Великой, В.Б. Виноградова («Доисламский религиозный синкретизм у вайнахов», 1983) и др. Исследователями синкретизма в среде сибирского ислама являются А.Г. Селёзнев А.Г. и И.А. Селезнёва («Религиозный синкретизм, народный ислам, региональные культы (теоретические заметки)», 2003; «Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма», 2004; «Духи и души в традициях народного ислама Сибири (к изучению религиозного синкретизма в малых локальных культурных комплексах)», 2001).

В последнее время активизировались отечественные исследования синкретизма в культурах за пределами России и, особенно – на Востоке. Этому посвящают свои исследования, например, И.В. Гусев («Воздействие современных форм религиозного синкретизма на духовную жизнь КНР: На примере секты “Фалуныгун”», 2004), А.Д. Зельницкий («Формы “религиозного синкретизма” в Китае», 2005), В.И. Гобозова («Религиозный синкретизм в истории духовной культуры Осетии», 1996); Р.М. Барцыц («Абхазский религиозный синкретизм в культовых комплексах и обрядовой практике», 2008) и др.

На Западе феномен «вторичного» синкретизма также начинает активно изучаться с XIX века. Представители школы диффузионистов, такие как Ф. Ратцель («Антропогеография», 1882), Л. Фробениус («Происхождение африканских культур», 1898), Ф. Гребнер («Метод этнологии», 1911) изучают варианты заимствований, переносов и наложений религиозных и культурных элементов в ходе естественного развития человечества. На современном этапе этот вопрос поднимается в работах Э. Марони (Eric Maroney, «Religious Syncretism», 2006); Ч. Стюарта (Stewart Ch., «From Creolization to Syncretism: Climbing the Ritual Ladder», 2015; «Syncretism and Its Synonyms: Reflections on Cultural Mixture», 1999; «Relocating Syncretism in Social Science Discourse», 1995; Stewart Ch., Shaw R., «Syncretism / Anti-Syncretism. The Politics of Religious Synthesis», 1994); Дж. Лорда (Lord J., «Anthropological Case Study of Religious Syncretism in Bolivia», 2009); Г.Л. Ричарда Richard H.L., «Religious Syncretism as a Syncretistic Concept: The Inadequacy of the “World Religions” Paradigm in Cross-Cultural Encounter», 2014); П. Пакканен Pakkanen P., «Is It Possible to Believe in a Syncretistic God? A Discussion on Conceptual and Contextual Aspects of Hellenistic Syncretism», 2011); М. Бойс (Boyce M., «A Shad-

owy but Powerful Presence of Zoroastrianism in the Judeo-Christian World», 1988); Р. Стокмана Stockman R., «The Baha'i Faith and Syncretism», 1997); Чанг-Вон Парка (Chang-Won Park, «Cultural Blending in Korean Death Rites», 2010); Дж. Д. Крисайдса (Chryssides G.D., «Unificationism: A Study in Religious Syncretism», 1993); Дж. Бентли (Bentley J., «Old World Encounters: Cross-Cultural Contacts and Exchanges in Pre-Modern Times», 1993). Религиозному синкретизму в истории русской культуры посвящены работы И. Левин (E. Levin, «Dvoeverie and Popular Religion», 1991; «Supplicatory Prayers as a Source for Popular Religious Culture in Muscovite Russia», 1997; «Childbirth in Medieval Russia», 1991; «Lay Religious Identity in Medieval Russia: The Evidence of Novgorod Birchbark Documents», 1997; «From Corpse to Cult», 2003).

Современный процесс синкретизации – синкретизм эпохи постмодерна и глобализации – раскрывают Д. Коттер (Cotter J., «The New Age and Syncretism, in the World and on the Church», 1990); П. Лод Laude P., «Unmediated Religion: Individualism, the Mediatic Revolution and New Religious Deal», 2013; Т. Сегэди (Segady Th.W., «Globalisation, Syncretism and Religiosity in the United States», 2012); К. Хартни (Hartney C., «Syncretism and the End of Religion(s)», 2008); Я. Питерс (Pieterse J.N., «Globalization as Hybridization», 1994); Л. Пэн (Penn L., «False Dawn: The United Religions Initiative, Globalism and The Quest for One-World Religion», 2005); Д. Леманн (Lehmann D., «Fundamentalism and Globalism», 1998); У. Десса (Dessi U., «Japanese Religions and Globalization», 2013); П. Тринора (Treanor P., «World-Nationalism: Normative Globalism as Pan-Nationalism», 2001).

Среди работ, посвящённых современному религиозному синкретизму в рамках его субъектно-индивидуального воплощения, можно назвать работы А. Коэна и П. Хилла Cohen A., Hill P., «Religion as Culture: Religious Individualism and Collectivism among American Catholics, Jews, and Protestants», 2007); Г. Бэттерфилда (Batterfield H., «Reflections on Religion and Modern Individualism», 1961); Дж. Грибела (Griebel J., «Individualism and Religion: The Impact of the Individualist Cultural Tradition on Religious Beliefs and Practices», 2011); Э. Стюарта (Stewart E., «Individualism Increases Religious Pluralism», 2015); Ю. Левина (Levin Yu., «Pluralism, Individualism and Religious Liberty», 2014); Р. Мэдсена (Madsen R., «The Archipelago of Faith: Religious Individualism and Faith Community in America Today», 2009); Т. Старка мл. (Stark R.T.Jr., «Does God Matter? Religion in Individualistic and Collectivistic Personalities», 2009) и многие другие.

В отечественной науке изучению постмодернистского религиозного синкретизма посвящено немало работ: Н.М. Маторин («К вопросу методологии изучения религиозного синкретизма», 1934); Л.Г. Лемешко («Теоретический и научно-практический аспекты религиозного синкретизма», 1974); Г.Е. Кудряшев («Динамика полисинкретической религиозности», 1974); Д.А. Таевский («Синкретические религии и секты», 2001); Н.С. Капустин («Особенности эволюции религий (на материалах древних верований и христианства)», 1984); Ю.В. Гаврилова («Причины формирования религиозных синкретических систем», 2015); О.А. Шелест («Становление новых типов религиозности

в условиях социокультурных трансформаций», 2006); Л.Н. Можейко («Новое религиозное сознание в социокультурном контексте трансформирующегося общества», 2004); Ю.В. Архипова («Синкретизм в структуре культуры», 2005); И.Г. Каргина («Новые религиозности: социологические рефлексии», 2012); З.У. Омарова (Трансформация религиозного сознания: современный аспект», 1999); М.Н. Махова («Некоторые философско-мировоззренческие основания современного религиозного сознания», 2012); И.Г. Гёзаян («Трансформация религиозности», 2011); И.А. Яковенко («Тенденции развития религиозного сознания», 2012); Е.И. Гришаева, О.М. Фархитдинова, Г.П. Хазиев («От секулярного к постсекулярному: эклектичность религиозного сознания верующих в современной России», 2015); И.И. Бандеров, А.Ш. Бик-Булатов («Концепция духовного синкретизма», 2015), В.Х. Акаев, А.Б. Дохаева («Культурный синкретизм: о противоречивом единстве религиозного и светского аспектов», 2012); М.В. Силантьева («Синкретизм в условиях политизации религии: региональный аспект», 2012); Ш. Эйзенштадт («Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация», 2012) и др.

Одними из первых внимание на особый мифотворческий потенциал харбинцев и самого пространства обратили китайские исследователи¹². Творчество поэтов русского Харбина и краткую историю формирования эмигрантской общности на северо-востоке Китая впервые представил В.В. Агеносов¹³. Вопрос фронтальной ментальности подлежит особому рассмотрению в работах А.П. Забияко, А.А. Забияко¹⁴. Значительный вклад в исследование разных аспектов культурной среды русских эмигрантов внесли работы представителей дальневосточной научной школы¹⁵. Кроме этого, вопросу изучения мистических вкраплений в культурной традиции русской эмиграции посвящены, например, работы К.А. Крыжанской (Землянской)¹⁶.

¹² Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 т. / сост. Ли Янлен. – Пекин: Китайская молодёжь, 2005.

¹³ Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918–1996). М.: Terra. Спорт, 1998.

¹⁴ Забияко А.П. Порубежье // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск. 2010. Вып. 9. С. 5–10; Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2009. 412 с.

¹⁵ Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии: монография Благовещенск, 2009. 352 с.; Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы...»: художественный мир лирики русского Харбина. Благовещенск, 2008. 428 с.; Эфендиева Г.В. Художественное своеобразие женской лирики восточной ветви русской эмиграции: дис. ... канд. филол. наук. М. 2006; Дябкин И. А. Немифологизм как этнорелигиозный феномен культуры дальневосточного зарубежья): дис. ... канд. филос. наук. 09.00.14. Благовещенск. 2014. 186 с. Забияко А. А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина: монография. Новосибирск, 2016. 437 с.; Забияко А. А. Религиозные традиции дальневосточного фронта в публикациях Н. А. Байкова 1901–1914 гг. // Религиоведение. 2015. № 1. С. 160–175. Забияко А. А. Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов // Религиоведение. 2011. № 2. С. 154–170. Забияко А. А. «Живая муза с узкими глазами» и русское «самотерзанье» (проблема этнокультурной самоидентификации эмигранта в харбинской литературе) // Мост через Амур. Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2003. Вып. 7. С. 298–312. Забияко А. А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина: монография. Новосибирск, 2016. 437 с.; Хисамутдинов А. А. По странам рассеяния : Монография : в 2 ч. Ч. 1. Русские в Китае. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2000. 360 с.; Хисамутдинов А. А. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 360 с.; Крадин Н. П. Харбин – русская Атлантида. Хабаровск : Издатель Хворов А. Ю., 2001. 352 с.

¹⁶ Крыжанская К.А. Теософские искания в харбинской культуре // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 3. Литературоведческая Россия: Сборник научных статей, посвященный 95-летию Л. Андерсен / под

Различные аспекты культуры и литературы русского зарубежья рассматриваются в работах Е.Г. Иващенко, А.Л. Ястребова, И.И. Мурзак, О.А. Бузуева, Е.В. Витковского, Г.В. Мелихова, Е.П. Таскиной, А.А. Хисамудинова, В.Ф. Печерицы¹⁷.

Особняком стоят мемуары самих русских харбинцев – В. Перелешина, Ю. Крузенштерн-Петерс, М. Волина, Л. Хаиндровой, В. Слободчикова и др.

Несмотря на достаточно масштабную разработанность вопроса, наблюдается недостаточная изученность феномена религиозного синкретизма в культурной среде русской дальневосточной эмиграции, особенно с позиций сравнительно-религиоведческого анализа. Взаимосвязь религиозного синкретизма в культуре и литературе русского Харбина с феноменом индивидуальной религиозности так же не подвергалась сопоставительному анализу. Кроме того, доступ к самому материалу для изучения был открыт только в 1994 году, когда после смены политической власти в России у отечественных исследователей возникает возможность восполнить лакуны в послереволюционной истории России и её граждан за пределами государства.

Объектом диссертационного исследования выступает феномен религиозного синкретизма в его тесной взаимосвязи с индивидуальной религиозностью.

Предметом исследования являются вариативные формы проявления религиозного синкретизма в культуре восточной ветви русской эмиграции.

Целью диссертации выступает выявление особенностей проявления религиозного синкретизма в культуре дальневосточной эмиграции и определение их взаимосвязей с исторической, социокультурной, политической средой того периода, а также индивидуальными духовными устремлениями русских харбинцев.

Задачи исследования

1. Определить содержание дефиниций «религиозный синкретизм», «индивидуальная религиозность», «религиозный индивидуализм».
2. Дать характеристику основным подходам к изучению феноменов религиозного синкретизма и индивидуальной религиозности, выявить и обозначить основные черты и точки соприкосновения.

ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. С. 42–47; Кражанская К.А. Мистическое начало в прозе харбинских писателей // Вестник АмГУ. Вып. 42. Благовещенск, 2008. С. 99–101.

¹⁷ *Иващенко Е.Г.* «Утраченные иллюзии» Бориса Юльского // Русский Харбин, запечатлённый в слове: сб. ст. / под ред. А.А. Забияко, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: Амурск. гос. ун-т, 2006. С. 102–124; *Ястребов А.Л., Мурзак И.И.* Картина мира в слове изгнанников: цитирование и создание нового философского пространства в произведениях писателей-эмигрантов (А. Хейдок, Б. Юльский, Я. Лович и др.) // Русский Харбин, запечатлённый в слове: сб. ст. С. 123–137; *Ястребов А.Л., Мурзак И.И.* Русская эмиграция в Китае: композиция вживания в чужой мир // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып 2: Литературоведческая Россия: сб. науч. ст. / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Амурск. гос. ун-т, 2008. – С. 29–36; *Хисамудинов А.А.* Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток, 2002; *Бузуев О.А.* Поэзия Арсения Несмелова: Монография. Комсомольск-на-Амуре, 2004; *Бузуев О.А.* Творчество Валерия Перелешина: Монография. Комсомольск-на-Амуре, 2003; *Якимова С.И.* Литература русского зарубежья Дальнего Востока: Учебное пособие для преподавателей и студентов. Хабаровск, 2005; *Таскина Е. П.* Русский Харбин. М.: Изд-во МГУ, 1998. 272 с.; *Печерица В.Ф.* Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток: ДВГУ, 1998. 276 с. и др.

3. Изучить историко-культурный процесс формирования религиозного синкретизма в культурной среде русской эмиграции на северо-востоке Китая.

4. С помощью метода типологизации реконструировать и систематизировать синкретические образы и идеи, представленные в социо-культурной, общественно-политической, литературно-художественной эмигрантской среде.

5. Выявить взаимосвязь между индивидуальными духовными устремлениями эмигранта и религиозными идеями синкретического характера, транслируемых им в окружающую его действительность.

Новизна исследования заключается:

1) в сравнительном анализе понятий религиозного синкретизма, индивидуальной религиозности и религиозного индивидуализма;

2) в изучении с философско-религиоведческой позиции субъективной стороны культуры восточной ветви русской эмиграции;

3) в реконструкции взаимосвязей индивидуальных духовных устремлений и индивидуальной религиозности эмигрантов с религиозно-синкретическими мотивами в социокультурной, общественно-политической и литературно-художественной среде;

4) в определении возможных аксиологических оснований для появления религиозно-синкретических идей в культуре русской эмиграции в Китае;

5) в типологизации ключевых мотивов религиозно-синкретического характера в социокультурной, общественно-политической и литературно-художественной среде;

6) в расширении и углублении базы источников, вводимых в научный оборот и уже имеющих в нём.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в введении в научный оборот и углубленном изучении ранее представленных редких произведений художественной литературы, мемуаристики, лирики, публицистики и периодики. Материалы диссертационного исследования могут быть применены при ведении занятий по истории отечественной и зарубежной литературы XX века, при изучении вопросов культуры русской эмиграции. Через особый подход к изучению материала, диссертационное исследование может способствовать дальнейшему развитию отечественного религиоведения и литературоведения и формированию более полной картины как исторического развития феномена религиозного синкретизма, так и его положения и характера на современном этапе и в будущем.

В методологическом отношении работа основывается общенаучных принципах (принцип всеобщей связи, принцип объективности, принцип детерминизма, принцип системности) и методах познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия). Помимо этого, в диссертации применяются частные методы: культурно-исторический, сравнительно-религиоведческий, историко-ретроспективный, типологический. Методологическая база диссертации опирается на теоретический, культурологический, историко-литературный подходы, а также на работы крупнейших исследователей природы мифа, феномена мифотворчества и религиозного сознания.

Положения, выносимые на защиту

1. Существует три основных исторических типа религиозного синкретизма: «первичный», или генетический, синкретизм, характерный для первобытного сообщества и обозначающий изначальную «слитность» мировоззрения, которая никоим образом не зависела от человека и не осмыслялась в его сознании. «Вторичный» синкретизм, представляющий собой синтез нескольких (двух, трёх) разных по уровню развития религиозных традиций и являющийся как следствием этнокультурных взаимодействий и завоеваний, так и сознательным заимствованием. «Третичный» синкретизм (синергетический, постмодернистский) представляет собой продукт современного общества глобализма и универсализма, важнейшей чертой которого является неограниченное число составляющих из разных областей знания и культуры (религия, философия, наука, искусство и т.д.), рациональные основания и субъектно-индивидуальная направленность.

2. В большей степени «третичный» синкретизм нашёл отражение в феномене «конструирования веры» – индивидуальной религиозности, которая представляет собой особый, синкретичный тип религиозного сознания, являющегося собой совокупность представлений индивида об окружающем мире, выстраиваемых им на основе личных переживаний и опыта, а также самостоятельно сформированных идей и образов божественных и инобытийных сил.

3. Как в зарубежной, так и в отечественной традиции изучение синкретизма первого типа складывалось, прежде всего, в этнографии, антропологии и социологии XIX века, в основном имевших эволюционистскую направленность. «Вторичный» синкретизм начинает активно изучаться на рубеже XIX–XX веков. На западе большее внимание, помимо теоретических разработок, уделяется древним традициям (античности, эллинизма; восточным культурам), мировым религиям, особенно – христианству и исламу, религиозной философии, нетрадиционным движениям. В отечественной науке акцент делается в основном на религиозные реалии древности и современности на территории России (славянская религия, феномен двоеверия, духовное христианство, культура коренных народов). В достаточной степени изучается «вторичный» синкретизм на Востоке и в культурах народов близлежащих территорий.

4. Несмотря на стремление русской диаспоры сохранить православную веру и культуру, в условиях обретенной замкнутости само пространство Харбина мифологизировалось и маргинализировалось. Порубежное, неопределённое положение русской эмиграции давало импульс к своеобразному эскапизму и поиску новых откровений, возможностей изменения объективной реальности, что выразилось в проявлении интереса к мистическим и оккультным мотивам, особенно – в литературно-художественной среде. Будучи в состоянии духовной стагнации, творческая интеллигенция обращается к мистическому опыту человеческой истории. Обращение к сверхъестественному, помимо того, что имело место и в дореволюционной России, явилось закономерной реакцией на общераспространённый в 1920–1940-х годах интерес к

спиритизму, культуре Древнего Египта, ясновидению и экстрасенсорике, гадательным и оккультным практикам, теософии и т.д.

5. Основными семантическими доминантами литературно-художественных и публицистических текстов выступают общение с духами и покойниками, экстрасенсорика, магические практики, вера в амулеты и талисманы, различные виды мантики – хиромантия, разнообразные иные гадания, гипноз, суеверия – вера в проклятия, в несчастливые числа и людей, приносящих несчастья, вера в ведьм и демонические силы и др., разнообразные религиозные мотивы. Если публицистические статьи, фельетоны и прочее освещают, как правило, какую-то одну тему, то художественные тексты часто сочетают в себе различные религиозные, мифологические, мистические и фольклорные идеи, являясь особым синкретическим конструктом, базирующемся на субъективном видении автора.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в докладах на международных, межрегиональных, национальных научно-практических конференциях, и семинарах: V международная научно-практическая конференция «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» (Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, 2015); Всероссийская научно-практическая конференция «Гуманистическое содержание принципа свободы мысли, совести, религии и убеждений» (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, 2015); Межрегиональная научно-практическая конференция с международным участием «Народы и религии Приамурья: согласие и диалог» (Амурский государственный университет, Благовещенск, 2015); XII международная научно-практическая конференция «Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русская эмиграция в Китае: опыт исхода» (Амурский государственный университет, Благовещенск, 2016); Областная научно-практическая конференция «Новиковские чтения», посвящённая 125-летию основания Амурского областного краеведческого музея и 135-летию со дня рождения учёного-краеведа Г.С. Новикова-Даурского (Амурский областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского, Благовещенск, 2016); Третий конгресс российских исследователей религии: «Академическое исследование и концептуализация религии в XXI веке: традиции и новые вызовы» (Владимирский государственный университет, Владимир, 2016); XXIV Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, 2017); Международный научно-практический семинар «Этнические контакты на Дальнем Востоке: история и современность» (Амурский государственный университет, Благовещенск, 2017); 11. Российская национальная научная конференция «Проблемы современной науки» (Амурский государственный университет, Благовещенск, 2017); XIII Международная научно-практическая конференция «Россия и Китай на дальневосточных рубежах: народы и этнические культуры» (Амурский государственный университет, Благовещенск, 2015); IV Конгресс российских исследова-

телей религии: Религия как фактор взаимодействия цивилизаций (Амурский государственный университет, Благовещенск, 2018).

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации. Основные положения диссертации отражены в семи (7) публикациях автора.

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК Минобрнауки России:

1. Конталева Е.А. **Образ шамана в литературно-художественных работах В.П. Серкина** // Религиоведение. – Благовещенск: Издательство АмГУ, 2014. – № 4. – С. 148–161.

2. Конталева Е.А. **Религиозный синкретизм в интерпретации российских и зарубежных исследователей** // Религиоведение. – Благовещенск: Издательство АмГУ, 2017. – № 4. – С. 62–78.

3. Конталева Е.А. **Оккультизм и мистика на страницах харбинской периодики (по материалам журнала «Рубеж»)** // Религиоведение. – Благовещенск: Издательство АмГУ, 2018. – № 2. – С. 140–153.

Публикации в других научных изданиях:

1. Конталева Е.А. **Историография изучения религиозного синкретизма: отечественные и зарубежные подходы** // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2017» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов [Электронный ресурс]. – М.: МАКС Пресс, 2017.

2. Конталева Е.А. **Синкретизм и идентитаризм движения ихэтуаней // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русская эмиграция в Китае: опыт исхода.** Вып. 12/ Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко; пер. на кит.: Чжоу Синьюй, англ.: О.Е. Цмыкал; корректура: О.Е. Цмыкал. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2018. – С. 294–306.

3. Конталева Е.А. **Особенности религиозности в эпоху постмодернизма** / Е.А. Конталева // Сборник материалов Российской национальной научной конференции «Проблемы современной науки», 22 декабря 2017 г., АмГУ, Благовещенск. – С. 114–116.

4. Забияко А.П. **Русская православная церковь** / А.П. Забияко, Е.А. Конталева // Народы и религии Приамурья / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2017. – С. 244–281.

Структура и основное содержание работы. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** автором аргументируется актуальность выбора темы, указывается степень изученности, определяются предмет и объект исследования, формулируются цель и задачи, научная новизна исследования, описывается методологическая база диссертационного исследования, его теоретическая и практическая значимость, указывается апробация работы и её структура.

В **первой главе «Феномен религиозного синкретизма»**, состоящей из двух параграфов и пяти разделов, автор занимается вопросом истории изучения феномена религиозного синкретизма в отечественной и зарубежной науке. В ходе исторического развития синкретизм претерпевает определённые качественные изменения, однако не исчезает; в пространстве современности, в условиях глобализации, постмодернизма и плюралистических настроений происходит существенный сдвиг религиозных и мировоззренческих парадигм, что приводит к новому переосмыслению религиозных традиций, догматов и идей и возрастает интерес к религии в её нетрадиционном, синкретическом, проявлении. В первой главе автор представляет наиболее значимые или характерные отечественные и зарубежные публикации по теме исследования и рассматривает особенности изучения религиозного синкретизма в отечественном и зарубежном религиоведении в соответствии с историческими типами синкретизации; обозначает внутреннее содержание религиозного синкретизма и реконструирует характерные черты и свойства его типов. В главе выделяются несколько исторических типов религиозного синкретизма: 1) «первичный», или генетический синкретизм, характерный для первобытных сообществ; 2) «вторичный» синкретизм, представляющий собой синтез нескольких (двух или трёх) разных по уровню развития религиозных традиций и являющийся как следствием этнокультурных взаимодействий и завоеваний, так и сознательным заимствованием (например, по политическим причинам); 3) «третичный» синкретизм, или синкретизм эпохи постмодернизма, характеризующийся свободным смешением множества фрагментов религии, философии, культуры, науки, искусства и прочего. Автор также затрагивает вопросы неомифологии и индивидуальной религиозности.

Во **второй главе – «Религиозный синкретизм в формах литературно-публицистического и философского творчества»**, включающей в себя два параграфа и два раздела, автор обращает внимание на синкретическую инобытийность на страницах эмигрантской периодики, религиозный синкретизм в произведениях представителей творческих объединений Харбина, религиозный синкретизм в прозаических произведениях, а также лирику как отражение религиозно-синкретических идей в среде восточной русской эмиграции. Рассматриваются социокультурные особенности жизни русских эмигрантов в Китае и причины возникновения религиозного синкретизма в среде дальневосточной эмиграции. С одной стороны, «психологическая бездомность» эмигрантов, их порубежное положение вызывают в среде русской диаспоры стремление к сохранению идентичности и уходящего наследия,

православной веры и культуры. С другой стороны, мы наблюдаем своеобразный отклик на подъём интереса к сверхъестественному в разных его проявлениях: спиритомании и египтомании, ясновидения, гадательных и оккультных практик, создания теософских кружков и пр., а также закономерную реакцию русской эмиграции на её кризисное положение в результате негативных социополитических процессов на рубеже XIX–XX веков. Растерянность и потребность в духовных основаниях превращается в иллюзорную уверенность в возможности воздействия на объективную реальность с помощью различных оккультных и мистических практик и начинает эманировать в разные формы, в том числе, художественные, и, как следствие, оседать в литературных произведениях разной жанровой направленности.

Мистицизм и оккультизм в формах масонства, спиритизма, медиумизма, хиромантии и, конечно, теософии и её версии «более высокого порядка» – антропософии, был популярен и в дореволюционной России, где поддерживался прежде всего со стороны богемы – аристократии и интеллигенции. Эпоха Серебряного века пронизана мистическими аллюзиями, которые усиливаются в годы реакции. В 1920–1940-х годах тяга к сверхъестественному в разных его проявлениях в целом являлась общераспространённой: это и новые волны спиритомании и египтомании, интерес к ясновидению, гадательным и оккультным практикам, создание теософских кружков и пр. Зёрна мистических идей «как облачения контрреволюционных настроений» совершенно закономерно проникают в одну из самых благоприятных для них почв – прозу и лирику русского Харбина. Несмотря на стремление русской диаспоры сохранить православную веру и культуру, в условиях обрётённой замкнутости само пространство Харбина мифологизировалось и маргинализировалось. Порубежное, неопределённое положение русской эмиграции давало импульс к своеобразному эскапизму и поиску новых откровений, возможностей изменения объективной реальности, что выразилось в проявлении интереса к мистическим и оккультным мотивам, особенно – в литературно-художественной среде. Основными семантическими доминантами литературно-художественных и публицистических текстов выступают общение с духами и покойниками, экстрасенсорика, магические практики, вера в амулеты и талисманы, различные виды мантики – хиромантия, разнообразные иные гадания, гипноз, суеверия – вера в проклятия, в несчастливые числа и людей, приносящих несчастья, вера в ведьм и демонические силы и др., разнообразные религиозные мотивы. Если публицистические статьи, фельетоны и прочее освещают, как правило, какую-то одну тему, то художественные тексты часто сочетают в себе различные религиозные, мифологические, мистические и фольклорные идеи, являясь особым синкретическим конструктом, базирующемся на субъективном видении автора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феномен религиозного синкретизма возникает на ранних этапах развития представлений человека об окружающей действительности, то есть, в диапазоне примерно 200–40 тысяч лет назад во время *сапиентации* – появления человека современного типа (раннего *Homo sapiens*). Главной его особенностью становится способность к абстрактному мышлению, что определяет возможность постижения окружающего мира в магическом, мифологическом и религиозном ключе. Наличие религиозных верований на заре становления человеческих обществ широко подтверждается данными археологии. В период первобытнообщинного строя ранние формы религиозных верований находились между собой в неразрывном единстве и не существовали в чистом, «беспримесном состоянии». В ходе исторического развития синкретизм претерпевает качественные изменения, но полностью не исчезает.

Понятие религиозного синкретизма, введённое в научный оборот исследователями религии XIX века в целях определения специфических качеств и особенностей первобытного мышления, и границы его применения в религиоведении являются предметом дискуссии, потому как все религиозные течения и традиции в какой-то мере результат взаимовлияния. Религиозный синкретизм представляет собой «состояние религиозного явления, характеризующееся невыделенностью качественно различных элементов или их смешением во внутренне противоречивую систему»¹⁸. Тем самым, перекликаясь с эклектизмом в философии, религиозный синкретизм по содержанию противопоставляется религиозному плюрализму, предполагающему многообразие сосуществующих, но не смешивающихся между собой религиозных традиций.

Исторически религиозный синкретизм можно разделить на три основных типа: «*первичный*», или *генетический*, «*вторичный*» *синкретизм* и *синкретизм синергетический* или *постмодернистский*.

1. «Первичный», или генетический, синкретизм, характерный для первобытного сообщества и обозначающий изначальную «слитность» мировоззрения, которая никоим образом не зависела от человека и не осмыслялась в его сознании.

2. «Вторичный» синкретизм, представляющий собой синтез нескольких (двух или трёх) разных по уровню развития религиозных традиций и являющийся как следствием этнокультурных взаимодействий и завоеваний, так и сознательным заимствованием (например, по политическим причинам).

3. Религиозный синкретизм современного общества глобализма и универсализма, характеризующийся субъектно-индивидуальной направленностью, важнейшей чертой которого является не ограниченное число составляющих из разных областей знания и культуры (религия, философия, наука, искусство и т.д.), а также рациональные основания.

¹⁸ Забияко А.П. Синкретизм религиозный // Религиоведение: энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академический проект, 2006. С. 984.

Как в зарубежной, так и в отечественной традиции изучение синкретизма первого типа складывалось, прежде всего, в этнографии, антропологии и социологии 19 века, в основном имевших эволюционистскую направленность. «Вторичный» синкретизм начинает активно изучаться также на рубеже 19–20 веков. На западе большее внимание уделяется древним традициям (античности, эллинизма, восточным культурам), религиозной философии, нетрадиционным движениям; в отечественной науке – реалиям древности и современности на территории России (славянская религия, феномен двоеверия, духовное христианство, культура коренных народов). Третий аспект религиозного синкретизма и в России, и за рубежом вызывает со стороны научного сообщества оживлённый и озабоченный интерес: примерно в равной степени разрабатываются теоретические аспекты данного феномена; изучаются процессы глобализации, универсализации, секуляризации («расколдовывания мира») и растущая роль фундаментализма как реакция на качественные изменения в религиозной среде; делается акцент на новый тип религиозного сознания и его синкретические черты, а также воплощение продуктов этого сознания в реалиях массовой, неомифологической, культуры «новой архаики».

4. В большей степени «третичный» синкретизм нашёл отражение в феномене «конструирования веры» – индивидуальной религиозности, которая представляет собой особый, синкретичный тип религиозного сознания, являющего собой совокупность представлений индивида об окружающем мире, выстраиваемых им на основе личных переживаний и опыта, а также самостоятельно сформированных идей и образов божественных и инобытийных сил.

5. Как в зарубежной, так и в отечественной традиции изучение синкретизма первого типа складывалось, прежде всего, в этнографии, антропологии и социологии XIX века, в основном имевших эволюционистскую направленность. «Вторичный» синкретизм начинает активно изучаться на рубеже XIX–XX веков. На западе большее внимание, помимо теоретических разработок, уделяется древним традициям (античности, эллинизма; восточным культурам), мировым религиям, особенно – христианству и исламу, религиозной философии, нетрадиционным движениям. В отечественной науке акцент делается в основном на религиозные реалии древности и современности на территории России (славянская религия, феномен двоеверия, духовное христианство, культура коренных народов). В достаточной степени изучается «вторичный» синкретизм на Востоке и в культурах народов близлежащих территорий.

6. Несмотря на стремление русской диаспоры сохранить православную веру и культуру, в условиях обрётённой замкнутости само пространство Харбина мифологизировалось и маргинализировалось. Порубежное, неопределённое положение русской эмиграции давало импульс к своеобразному эскапизму и поиску новых откровений, возможностей изменения объективной реальности, что выразилось в проявлении интереса к мистическим и оккультным мотивам, особенно – в литературно-художественной среде. Будучи в состоянии духовной стагнации, творческая интеллигенция обращается к ми-

стическому опыту человеческой истории. Обращение к сверхъестественному, помимо того, что имело место и в дореволюционной России, явилось закономерной реакцией на общераспространённый в 1920–1940-х годах интерес к спиритизму, культуре Древнего Египта, ясновидению и экстрасенсорике, гадательным и оккультным практикам, теософии и т.д.

6. Основными семантическими доминантами литературно-художественных и публицистических текстов выступают общение с духами и покойниками, экстрасенсорика, магические практики, вера в амулеты и талисманы, различные виды мантики – хиромантия, разнообразные иные гадания, гипноз, суеверия – вера в проклятия, в несчастливые числа и людей, приносящих несчастья, вера в ведьм и демонические силы и др., разнообразные религиозные мотивы. Если публицистические статьи, фельетоны и прочее освещают, как правило, какую-то одну тему, то художественные тексты часто сочетают в себе различные религиозные, мифологические, мистические и фольклорные идеи, являясь особым синкретическим конструктом, базирующемся на субъективном видении автора.

Дальнейшее изучение и углубление данной темы позволит способствовать развитию отечественного религиоведения и литературоведения и формированию более полной картины как исторического развития феномена религиозного синкретизма, так и его положения и характера на современном этапе и в будущем.